

The background of the cover is a photograph of a winter forest. Snow is piled up on the ground and on the branches of trees. In the foreground, a large, weathered log lies horizontally, with a single brown oak leaf resting on it. The overall color palette is cool, dominated by whites, blues, and greys, with the brown of the log and leaf providing a warm contrast.

Лесные Сказки

ИОЛАНТА
СЕРЖАНТОВА

6+

Иоланта Сержантова

Лесные сказки

«Автор»

2018

Сержантова И. А.

Лесные сказки / И. А. Сержантова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-907035-06-5

Сборник составлен из рассказов, сказок и новелл, написанных на ж/д платформе Беяево Усманского района Липецкой области, к 170- летию её основания. Под метроном стука колёс проезжающих мимо составов. Под пение лесных птиц поутру. Под воркование лягушек и тьяканье косуль. С их благосклонного позволения, и при непосредственном участии. Все истории правдивы и грустны. Как честна и драматична порой жизнь. Фото обложки - лёд на пруду. Автор - Иоланта Сержантова.

ISBN 978-5-907035-06-5

© Сержантова И. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Укрывая одеялом...	6
Последнее представление осени...	7
Дятел	10
Я еду домой	11
Часы	12
Вороны	13
Стрелки, стрелки птичьих лапок.	14
Законы физики	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ж/д платформа Беяево Усманского района Липецкой области (Усманского уезда Тамбовской губернии) основана в 1848 году при строительстве Николаевской железной дороги. В том же году произошла революция во Франции, Венгрии и Германии. В Лондоне был опубликован "Манифест Коммунистической партии" К. Маркса и Ф. Энгельса. В США это был год начала эры жевательной резинки. А в столице России Санкт-Петербурге в том же году были установлены первые почтовые ящики темно-синего цвета, сколоченные из досок и обшитые листовым железом.

В домах, построенных из кирпичей красного и нежно-оранжевого цвета с клеймом «Монопол», подле обустроенной станции Беяево, поселили семьи путейцев и обходчиков. Через восемьдесят лет к ним присоединились работники организованного вокруг этой территории заповедника. На запасных путях платформы стояли вагон-магазин и вагон-клуб. Дети ходили в начальную школу, тут же, на остановочной площадке, располагался уютный магазинчик, аккуратное здание вокзала. Фельдшер следила за здоровьем жителей о.п. Беяево. Функционировало несколько смежных производств, конюшни, военная часть, железнодорожный переезд... Люди жили! Любили! Работали!

Нынче всё так же. Несмотря на то, что юбилейный 170-й год жители платформы Беяево встречают без школы, магазина, доктора, вокзала, газа и дороги, они любят свою Родину, которую не променяют ни на какое другое место на земле.

Сказки, представленные в данном сборнике, написаны на остановочной площадке Беяево. Под метроном стука колёс проезжающих мимо составов. Под пение лесных птиц поутру. Под воркование лягушек и тьякканье косуль. С их благосклонного позволения, и при непосредственном участии.

Все истории правдивы и грустны. Как честна и драматична жизнь, порой.

Слова, как капли дождя. Они падают, и растворяются в земле, оставляя лишь на мгновение свой след.

Укрывая одеялом...

На краю леса, подчёркнутого карандашными линиями железнодорожного полотна, стоит невысокая неказистая сосна. Засыпан снегом её корень. Широкий и могучий. Расположился белым питоном подле ствола и уснул. Вспугнёт его рассвет, потянет на себя одеяло утра и пропало дело. Нет белого питона. Исчез. А вместо него – куриная лапа без избушки. И так – целый день. Картинки меняются одна за другой. Покуда чёткий рисунок сосны и её веток не будут затканы гобеленом заката. Да так бережно, так подробно. До самой нежной её иголки...

А после – как нарочно: «Всем спать!»

И не поспоришь. Знай – лежи себе тихонько и скреби тёмно-синюю краску неба.

Но тут уж неизвестно, что произойдёт скорее: сам заснёшь или отколупнёшь краски побольше и откроешь новую звёздочку. Видишь, сколько их? Многим не спиться об эту пору!

Ну, а пока ты занят своим важным делом, я расскажу тебе сказку. В лесу они буквально на каждом шагу. Растут, как грибы. Надо быть очень внимательным, чтобы заметить лесных жителей, подслушать, о чём они говорят или даже подружиться с ними...

Последнее представление осени...

Неким глубоким серым утром я шел по лесу. Если наступает рассвет, то и солнце вынуждено отрывать голову от своих несвежих осенних подушек. Только даже оно не в состоянии разогнать хмурую хмарь ноября.

Ветер наломал спички стволов, побросал куда попало и ушёл. Надеется, что снег вскоре прикроет его шалости. Урожай листвы собран и сметён в сугробы. Яркие их пятна нелепы и местами уже потеряли обаяние осторожности, стройную хрупкость. И не хрустят больше. Ни в руках, не под ногами. Влажные и раскисшие, они периодически ставят подножку и я спотыкаюсь. Птицы, те давно привыкли к моим регулярным прогулкам, потому занимались своими делами и прерывались лишь затем, чтобы посмеяться над моей неуклюжестью.

– Да что такое?! – в очередной раз едва сохранив равновесие, удержался плечом за кстати склонённый в сторону тропинки дуб и решил передохнуть, составив ему компанию. Отдышавшись, пару раз нарочито выдохнул, полюбовался самодельным туманом. Замер, чтобы послушать, как лес потягивается после беспокойной холодной ночи, разминает косточки веток, сучьев, стволов.

– Вот, тут... да нет, – тут же, пониже, – шепчет дуб осине. И та тянется и почёсывает невпопад серую коросту коры с трещинами по самую заболонь.

– Ну, ничего, ничего, потерпи. Подморозит и подсушит.

– Ага, после снегом заметёт и намокнет. – брюзжит дуб.

– Ну, не ворчи, старик. Пора бы уж и привыкнуть. За столько-то лет.

– Это кто у нас старик?! Я?! – зашатавшись из стороны в сторону возмущается дуб.

– Нет, это я так, фигурально. Успокойся ты, – хлопывает осина товарища по израненному боку. – Ты у нас ещё хоть куда. Мне вот давно пора леших пугать на болоте. Срок подходит... – загрустила осина.

– Это как?! Мы ж с тобой, вроде, ровесники! – замер на месте дуб, да так, что те жёлуди, которые благополучно перенесли первый месяц осени и надеялись продержаться до весны, осыпались с него, как градины. – Мне сто пятьдесят недавно исполнилось и тебе столько же! Я помню. Память у меня ещё ого-го.

– Так тебе ещё сто пятьдесят, а мне уже. Вы, дубы, в десять раз дольше нашего живёте...

Дуб пристыженно замер, пригорюнился и затих. Лишь только последний жёлудь коснулся лоскутного одеяла поляны, вместо ожидаемого безмолвия, вполне отчётливо послышались удары кия о бильярдный шар. Не звонкие конечные звуки в удалённой от жилья части леса... Как такому быть?!

Я прислушался, огляделся по сторонам...

– Глупо, правда? – раздалось рядом. – Каждый год одно и то же. Говоришь им говоришь, а всё бестолку.

Я вздрогнул от неожиданности, ибо думал, что наблюдаю за лесом в одиночестве, но, как обычно, оказался далеко не единственным зрителем. По ту сторону ствола, служившего мне опорой, стояла самка благородного оленя. Уже не юная, но прекрасная в своей зрелой красоте. Все задумки природы осуществились вполне и было неясно, чему отдать предпочтение, наслаждаясь её видом. То ли королевской осанкой, то ли изящным переходом ото лба к ушам, то ли трогательным припухлостям колен...

– Простите, я не заметил, что не один. О ком вы?

– Да вот же, прямо у вас на виду, два дурня в очередной раз доказывают свою мужественность передо мной. А оно мне надо? И так ясно, что я уйду вон с тем...

– С которым из них?

– Да вот, с тем, у которого на боку шрам, откушено пол-уха и пара царапин на плече.

– Он такой мужественный или...

– Или! Он совершенно не умеет драться, но у нас с ним уже трое прекрасных детей и я его люблю.

Мы замолкаем и продолжаем наблюдать за тем, как два оленя сдирают друг с друга надоевшие за сезон рога. И грозно пыхтят при этом, неизменно скашивая розовые от натуги глаза в сторону зрителей.

Дятел, расслабленно кивая в такт ударам головой, мерно будит свои барабаны. Сквозняк встряхивает гигантские маракасы стволов. Им есть чем пошуршать даже в ноябре.

Последнее представление осени... Солнце, наконец, удосуживается взглянуть на округу. Включает свои софиты на всю мощь и водит ими из стороны в сторону. Подсвеченный ржавый куст оборачивается оленем. Тот непременно вздрогнет картинно своей красивой спиной. И повременит с побегом. Для хорошего доброго человека это будет именно так.

А иным – никогда не разглядеть красавца. Не дано. Не дадут. Да и не к чему. Пусть идут своей дорогой. И отыщут её, в конце концов. И, дай Бог, чтобы произошло это не в конце земного пути, а намного раньше.

Тот, который не умел летать...

Идти было вкусно. Подсушенные морозом листья хрустели под ногами. Справа от тропинки, с вельветового бока запылённого инеем пригорка послышалось:

– Нет, не так. Гляди, как надо!

– Ну?

– Погоди немного, ветра нет.

– И сколько ждать?

– Да, сейчас-сейчас, куда ты торопишься.

– И не тороплюсь я вовсе, с чего ты взял? Просто ноги замёрзли немного, на одном месте-то стоять...

– Ничего, потерпи. Неженка какая!

– Ничего подобного! Я не неженка.

– Тогда стой и жди молча.

– Стою.

– Вот и стой!

Ветер с юга раскачал пушистые разноцветные клубки деревьев. Стряхнул с них лишнее, укрепил макушками в сторону севера. Проверил, крепко ли и пошёл бродить по тропинкам, просекам и полянам.

– Нет, не то. Не выходит.

– Никак?

– Да, никак. Отстань, я должен сосредоточиться. Ты только мешаешь.

– Прости...

На смену тёплому, сорвался сквозняк холодного ветра. Но нагретая за лето земля не сдавалась так просто. Отстранилась от него, отмахнувшись, сдвинула на сторону, как неуместный в тёплую погоду шарф.

– Вот! Вот! Так! Гляди, как надо! – Жёлтые крылья затрепетали, ожили в хлопотливом ритме и...

– Ну, вот, опять...

– Что, не получается? – участливо спросила она.

– Это у тебя не получается, – обиделся он, – у меня всё, как надо. Но не теперь. Нужно дождаться правильного ветра.

– А зачем ждать ветра?

– Чтобы полететь! Ты – глупая!

– Может быть...

- Да, ты глупая и... отстань!
- Не ругайся, пожалуйста. Лучше, объясни, я не понимаю.
- Ещё бы! Ты ничего не понимаешь, ничего не умеешь. Да и вообще,– от тебя нет никакого толка!
- Хорошо, пусть так. Но скажи, зачем нужно ждать ветер, чтобы летать?
- Потому что! Так надо! Не задавай лишних вопросов.
- Но мне это не нужно...
- Не говори чепухи. И, чтобы не попасть в глупое положение, просто запомни, что для того, чтобы летать, надо дождаться попутного ветра.

Мне стало интересно поглядеть на спорщиков. То были бабочка, похожая на старый дырявый листок и красивая, яркая, примёрзшая к пригорку своею серединой ладонь ясеня. Одна порхала с рождения, другой наблюдал, как это делают другие.

Я подставил палец бабочке. Та охотно переступила на него, легко взмахнув крыльями и мы пошли в дом. А листок всё ждал и ждал порывов ветра. И тот нашёл наконец минуту, взъерошил наскоро чуб поляне, подул тихонько вдоль просеки, расчесав сбрызнутую лаком мороза траву и ушёл.

На пригорке остались брошенными обрезки дуба, усыпанные жемчугом остекленевшей росы и тот, который не умел летать, но учил этому других.

Дятел

Казалось, что вода в панике пытается покинуть пруд. Прозрачные руки цеплялись за каменистый берег. Но тот сильно ранил их, разбивая волны на тонкие пальцы брызг.

– Что там такое?

– Наверное, птица тонет.

– Ого, надо скорее бежать, выручать.

У самой кромки воды, сбившись в разноцветную кучку, стояли синицы и воробьи. Моё появление не заставило их разлететься или встрепенуться. В общем – не потревожило абсолютно. Было слегка обидно, но, когда я поняла, в чём дело, то присоединилась к группе пернатых зевак.

В молчании, полном изумления мы наблюдали за тем, как водную гладь пруда рассекал довольно крупный белоснежный дятел в красной плавательной шапочке. Спортсмен из команды дятловых, обнаруживал знакомство с разными способами перемещения в жидкой среде. Он болтал ногами в стиле «ноги кроль», сдвигал воду стилем «руки брасс». Шумно отдувался, приоткрыв клюв и свесив липкий язык на сторону. Завершив тренировку, дятел поднялся из воды, свесив крылья подобно купальному халату. Толпа зрителей почтительно расступилась, давая ему пройти. Я тоже сделала шаг в сторону.

Дятел покрутил головой, отряхнулся как собака, от плеч до кончика хвоста. И взлетел.

Что тут скажешь? Можно строить какие угодно предположения, фантазируя на заданную тему. Но намного правильнее будет согласиться с тем, что мы очень мало знаем о тех, с кем живём. Рядом. Плечом к крылу.

Я еду домой

Я еду домой. Столб линии электропередач издали похож на безопасную бритву...

Собака, покрытая клоками свалявшейся шерсти, словно прошлогодней травой, стоит и смотрит на этот столб. Рядом – два понурых щенка. Им совсем плохо от дыма сгорающей неподалёку травы. Дым почти прозрачен, слегка похож на пар вечерней земли. Но это не он. Притворство всегда ядовито...

Малышам отойти... бы. Слегка! В сторонку. Но они так малы, к тому же, -не знают пока, что и от мамы можно...

В воронку заката, пеной грязных облаков утекают последние мгновения дня. Всё вчерне. Набело только дни. А ночи? Ночи... Хитрые бестии. Поджимают ступни в дырявых носочках, обнимают в тени под ступенями, степенно кивают, надеясь заполучить не своё. И получают, и спешат, и бегут... Чтобы до третьих петухов. Как ...тать? Да что вы! Какое оно ТАТЬ?! Так, – пакостник, мелкий...

А столб уже выбрил часть неба. До розовой кожи. И собака устала глазеть, облизала детей и дала им по чашечке какао. (Мамино молоко для щенков слаще любых шоколадных бобов!) Соседский барбос забежал, поприветствовал заднею лапой участок чадающей травы... И стало чисто, тепло и уютно. Только филин – вдогонку скользящему к краю небес Ориону, так громко кричал, что охрип...

Часы

Не многим понятно, зачем живут часы...

А они просто ждут кого-то... и считают свои небольшие шаги... пос- то- ян- но...

Прелесть ожидания в познании самого себя... Вот, в этом замечательном состоянии мы и проводим свою жизнь...

Вороны

ВоРоны пришли подкОрмиться на свалку
И мне их, пРедставьте, нисколько не жалко

СтРелки, стРелки птичьих лапок.

БРодят без пальто и шапок.
Сонный хРиплый голосок.
В клюве – кость, в ноздРях – песок...

Мать обучила меня грамоте довольно рано. Первым словом, которое заставили прочесть, было не "мама" или "папа", а фамилия первого космонавта планеты, в которой так много сложного рычащего звука. Он был основным, воинственно настроенным против меня, и моего непослушного языка.

Логопед, к которому обратилась за помощью мать, постаралась на совесть. Показала как можно сворачивать язык в трубочку. Заставила повторить великое множество цоканий и прищёлкиваний. Но извлечь из моих уст искомый звук, с помощью все этих нехитрых приёмов, ей так и не удалось. Однако дефект речи был исправлен. Легко и случайно. Что неизбежно сформировало веренность в том, что у каждой проблемы, помимо массы сложных и утомительных решений, есть одно—единственное, необременительное и правильное.

Неким прекрасным ясным, летним, прозрачным и весёлым утром, я в совершенном одиночестве шла к бабуле. Отец опаздывал на работу, и потому не повёл меня за руку до нужного дома, а просто высадил на остановке.

– Сама дойдешь? – с надеждой спросил папа.
– Дойду! – радостно подтвердила я.

В предвкушении вкусного сытного завтрака без понуканий и нотаций, беззаботной прогулки до обеда, я шла и пела песенку из «Бременских музыкантов». О том, как пролетают мимо нестрашные дороги... И тут, в самую верхнюю ноту, чистым воспроизведением которой я особенно гордилась в ту пору, вторгся чей-то смех:

– Ха-ха-ха!

Я остановилась и покрутила головой. В этот утренний час, когда весь советский народ, как один стоял у станка, прилавка или кульмана, рядом со мной просто физически не мог никто находиться.

–Странно...– произнесла я негромко, но предательская согласная исказила до неузнаваемости даже такое простое слово и... Смех раздался вновь... Обшаривая взглядом листву близстоящего дерева, в поисках источника оскорбительного звука, я увидела... ворону, которая укоризненно смотрела на меня с ветки, своим красивым чёрным глазом. Одним! Она не стала тратить на какую-то маленькую картавую девчонку, блеск двух, подозрительно умных глаз, одновременно.

– Зачем ты дразнишься? Я не могу выговорить эту проклятую «ры!». Не могу!

– Кар!

– У тебя-то получается, как надо...

– Кар!

– Что «кар»?! – вскричала я, внезапно ощутив во рту неведомое доселе волнение языка.

– Кар– р– р– р! – крикнула истошно ворона, и наклонила голову пониже так, что я не просто УВИДЕЛА, а почувствовала, как вибрирует её острый язык.

Ворона даже и не думала смеяться надо мной. Она просто решила помочь маленькой девочке, которая так весело напевала, направляясь к дому своей бабушки.

Я остановилась прямо под деревом, и задрала голову:

– Кар! – привычно уронила раскатистую согласную в серый песок у ног.

– Кар– р! – возобновила свой урок ворона.

– Кар! – повторила я послушно, и не поверила собственным ушам, – Кар-р-р! Р-р-р!

– Кар-р-р-р! – возликовала моя блестящая преподавательница, и захлопала крыльями.

– Я умею говор-р-р-р «р-р-р-р»! Спасибо! Вор-р-рона! – закричала я, что есть мочи, и побежала к бабушке, повторяя на ходу удивительный урок, который преподавала мне замечательно мудрая птица, холодея от ужаса, что потеряю этот звук по дороге...

– Кар-р-р! Кар-р-р-р! Кар-р-р-р-р-р! Бабушка! Ба-буш-ка-а-а! ВоРона! Научила меня говоРить букву Р-Р-Р-Р-Р!

– Ну, что ты выдумываешь, – грустно вздохнула бабушка, пропуская меня в квартиру.

– Ну бабусечка, ну, пожалуйста, ну давай я тебе скажу!!! Любое – пР-Р-Р-любое слово!!!

– Тихо. Не шуми, пожалуйста, не раздражай дедушку. Он плохо себя чувствует.

Я помню то дерево, с которого ворона учила меня правильно выговаривать самый ребристый звук русского алфавита. Я помню и саму птицу. Но на том дереве я не видела больше ни единой вороны. Ни разу! За сорок с лишним лет.

Время от времени я встречаю похожих птиц в иных местах. Обычных ворон вокруг всегда довольно много. Но тех необыкновенных птиц, со ЗНАЮЩИМ пронизательным взглядом, так же мало, как хороших и умных людей.

Райская птица с чёрным крылом... Лет через тридцать, или даже немногим больше, мне показалось, что я сумела отплатить добром за добро.

Однажды утром, в лютый мороз я увидела ворону, которая медленно замерзала на ветке. Потускневшие перья местами обледенели. Казалось, пройдет совсем немного времени, и птица превратится в нечто, похожее на кусок промёрзшей древесной коры. У неё явно не было сил справиться с многочисленными останками январских обильных трапез. Быть может, ворона недавно перенесла на крыльях ангину, или просто была уже недостаточно молода для утомительной и кропотливой работы над ледяными скульптурами из неряшливых объедков. В ту пору я могла позавидовать сытости церковной мыши, и сто пятьдесят граммов «крабовых» палочек, что лежали у меня в пакете, были для нашей семьи весьма ценной добычей. Но, как бы там ни было, я шла в теплую квартиру, а ворона жила на улице... Недолго думая, я достала из пакета одну «крабовую» палочку, сняла с неё целлофан, и протянула вороне...

– Ворона! Возьми, пожалуйста!

Птица очень медленно подняла голову, взглянула на меня, на еду, зажатую в руке. С огромным трудом раскинула в сторону крылья, и оттолкнулась от ветки. Ворона была так слаба, что мне пришлось практически заталкивать угощение в её приоткрытый клюв...

Наутро мороз махнул на нашу местность рукой, и отправился сдерживать порывы жителей иных регионов. Ворона же, к моей огромной радости, выжила. И в течение нескольких лет, пока обитала неподалёку, каждое утро бросала под ноги моей собаке куриные кости, добытые из помойки. И я опять осталась в долгу...

Законы физики

Божья коровка сидела на подоконнике, хрустела сушками из мошек, которыми угостил её паук и смотрела, что происходит по ту сторону прозрачных полотён стёкол, натянутых на рамы окна. А там...

Утро наградили золотой медалью солнца. Нестерпимый цвет его сиял, крича о богатстве, оценить которое до весны не было суждено никому. Светило «дало прикурить» продрогшей за ночь земле и всему, что на ней. Пар, как выдох. Долгий и влажный. Холодный воздух жадно вдыхал его, тянул на себя и плёл немислимые полупрозрачные косы.

По пустому утреннему шоссе неба, не соблюдая разделительных полос, с лёгким посвистом крыл мчался ворон. Вопреки обыкновению, он не дразнил собак своим хриплым лаем и не пугал сонных двуногих. Он летел молча. Со стороны могло показаться, что его клюв выпачкан чем-то розовым. Но, несмотря на его далеко не миролюбивый характер, на этот раз он не был причиной чьей-либо боли.

В этот день Ворон проснулся поздно ночью. В гнезде он был не один. Рядом, подвернув под себя сломанное крыло, спала подруга. Накануне скандалил ветер, отшвыривая прочь всё, что поддавалось этому. С упорством злого ребёнка, гнул вершины деревьев до тех пор, пока те не выдержали и стали ломаться. Канонада их обрушения вызывала неподдельный ужас леса в юной его части. Молодым стволам вполне было под силу пережить этот сезонный скандал. Если бы дело касалось их одних. Но падали гиганты. Не выдерживали самые высокие и стойкие. Пытаясь сохранить равновесие, хватались за тех, кто рядом и погибали все. Рушились, подобно строю костяшек домино. Только выходило намного больше. Страшнее. Земля гудела, подставляя себя под их удары. Но увернуться не выходило никак.

Под влияние декаданса от механики попала и подруга Ворона. Не успела осознать, как всё произошло. А, расслышав хруст, не поверила, что его источником явился перелом опахала её собственного крыла.

Конец иссиня-чёрному отливу идеально подогнанных друг к другу перьев. Вместо него – мелкое крошево костей в границах кожаного мешочка по правую сторону. Сосна, орудие злой ветреной воли забывшей себя стихии, одним из своих бутонов защемила окровавленный сосуд. Остановила скорое истечение жизни, пытаясь искупить то зло, которое причинила невольно.

Ворон не пострадал, так как оказался более проворным, но собственная ловкость огорчала:

«Лучше бы я сам... Лучше бы вместе...» – отчаяние приводило его в исступление. Невозможность подставить своё плечо, сравнивая сложности решения задачи по обращению времени вспять... Ворону было больно смотреть на изувеченное крыло, самый незаметный взмах которого заставлял его сердце биться чаще положенного.

Когда Его Птица пришла, наконец, в себя, Ворон попросил:

– Никуда не уходи, я принесу тебе попить.

Она попыталась ответить, но не смогла даже кивнуть.

– Не тревожься, я скоро.

Ворон слетал к ручью, набрал воды и вернулся. Понемногу, как маленькой, капал подруге на язык, нежно дотрагиваясь, смачивал потускневший клюв. Летал туда-обратно несколько раз.

– Говорить можешь?

– Могу... – едва слышно отозвалась она.

– Чего тебе хочется?

– ...

– Не молчи! Скажи, чего ты хочешь?! Я сделаю всё, что смогу!

Отыскав в себе последний заряд сил, чтобы не пугать Ворона немощью, она почти обычным голосом сообщила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.